

Валерий СУХОВ

Родился в 1959 году в селе Архангельском Пензенской области. Окончил Пензенский государственный педагогический институт им. В.Г. Белинского и аспирантуру при Московском педагогическом университете. Кандидат филологических наук. Работал учителем в сельской школе и преподавателем литературы в университете.

Автор шести сборников стихов и монографии «Очерки о жизни и творчестве Анатолия Мариенгофа». Стихи и статьи публиковались в «Литературной газете», в журналах «Сура», «Подъём», «Современное есениноведение», «Простор», «Нижний Новгород», в альманахе «День поэзии – XXI век». Лауреат Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова, Международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крыльями», Всероссийской литературной премии имени Бориса Корнилова «На встречу дня!»

Живёт в Пензе.

«УБРАЛИ ТОПСЕЛЯ И ЖДАЛИ ШТОРМА»

Дебют Анатолия Мариенгофа

В поэме «Развратничаю с вдохновеньем» (1919–1920) Анатолий Мариенгоф, обращаясь к своим читателям, с иронией призывал: «Веруйте в благовест моего вранья». Рассказав о своём появлении на свет, поэт утверждал, что стихи он начал писать ещё в родном своём городе Нижнем Новгороде: «С восьми лет / Стал я точить / Серебряные лясы. / Отсюда и все беды...» А дебют Анатолия Мариенгофа – прозаика состоялся в Пензе. Здесь его отцу была предложена должность представителя английского акционерного общества «Грамофон» («Пишущий Амур») в Пензе и в Пензенской губернии, «с процентами от оборота, довольно значительного, так как общество давало широкий индивидуальный кредит на аппараты и пластинки». Похоронив в Нижнем Новгороде жену, Борис Михайлович Мариенгоф, его сын Анатолий и дочь Руфина переехали в Пензу в конце лета 1913 года. Мариенгофы поселились на Казанской улице в кирпичном двухэтажном доме, который выделялся среди одноэтажной деревянной застройки.

Своё образование Анатолий продолжил в частной гимназии Сергея Афанасьевича Пономарева. В копии аттестата зрелости А. Мариенгофа, который сохранился в пензенском архиве, есть запись о том, что поступил он на учёбу в гимназию 20 августа (по старому стилю) 1913 года. Атмосфера, царившая в пономарёвской гимназии, располагала к твор-

честву. Анатолий вместе со своими новыми друзьями издавал рукописный журнал «Мираж», в котором выступал сам как поэт, прозаик и литературный критик. Через год и два месяца после его переезда в Пензу, 28 октября 1914 года (по старому стилю), в газете «Пензенские ведомости» был напечатан очерк Анатолия Мариенгофа «Полтора месяца на шхуне “Утро” (Отчёт ученика экскурсанта)».

Публикация предварялась вступительной заметкой, в которой объяснялось, каким образом пензенские гимназисты оказались юнгами:

В Петрограде семь лет существует Комитет Морских экскурсий, поставивший себе целью воспитывать в молодежи любовь к морю и склонность к морской службе. Для достижения этой цели Комитет каждое лето устраивал морские экскурсии в Балтийском море, на принадлежащих ему учебных судах «Утро» (парусная шхуна), «Ильмень» (пароход)... Шхуна совершала двухмесячное плавание, пароход «Ильмень» тридцатидневное... Экскурсанты исполняют все матросские работы и отбывают вахты... их обучают военному строю, стрельбе, гребле на веслах в шлюпках... судовая дисциплина и общие работы служат отличнейшими воспитательными средствами, правильный режим и постоянное пребывание на свежем морском воздухе отлично укрепляют здоровье, вместе с тем и значительно расширяется круг знаний.

Очерк, представляющий собой отчёт ученика, плававшего на шхуне «Утро», стал интересной творческой заявкой, если воспринимать его в контексте всего многообразного наследия поэта-имажиниста, прозаика и мемуариста А. Б. Мариенгофа. Здесь начинают формироваться черты, присущие характерному стилю его зрелой прозы, проявляется острая наблюдательность молодого автора, сумевшего живо отобразить самые интересные события и выделить важные детали. Это заметно уже в первом абзаце:

8 июня 1914 г. мы были приняты на шхуну. Она напоминала благоустроенную волжскую барку – чистая, опрятная, с запахом свежей окраски. Три голые огромные мачты уходили в небо, на флагштоке повис яхтклубский флаг. ...Мы спустились в сопровождении «старых морских волков» (т.е. совершающих уже не первое плавание) в экскурсантскую каюту. Это большая полутемная комната. По стенам в два ряда полки – наши будущие койки. У потолка подвешены ровно сколоченные доски, покрытые клеенкой – это висячие столы; несколько подвесных коек, табуреты, скамейки среди комнаты, обыкновенный («мёртвый») стол – вот обстановка каюты. Тотчас нас распределили по отделениям, а затем выдали рабочее платье... Ещё через несколько минут в люк высунулась голова вахтенного старосты, раздался свисток, и команда: «1-е отделение медяшку чистить», «второе на помпу», «третье палубу мыть», «4-е стекла протирать».

Плавание на парусной шхуне «Утро» дало Анатолию Мариенгофу богатый запас жизненных впечатлений. Стараясь отобразить самое главное, Мариенгоф был лаконичен в своих характеристиках. Его очерк написан в форме дневниковых записей, где чётко фиксируется время. Вот как кратко, буквально в трёх предложениях, рассказано о начале плавания: «В полдень был молебен перед отплытием. При этом присутствовали родители экскурсантов и другие посетители. К четырём часам шхуну очистили от публики, а в 4 ч. 15 мы с криками «ура» отшвартовались. Мы плыли на Кронштадт». Автор очерка не скрывает своих промахов: «Утром у меня первая служебная неприятность: проспал

рабочее время и получил выговор от командира и наказание чистить компас в то время, как товарищи будут отпущены на берег». В Кронштадте, в который шхуна прибыла 9 июня, Мариенгоф вместе с со своими товарищами увидел английскую эскадру и побывал с экскурсией на дредноуте Lion.

Анатолий с иронией передаёт чувства юных моряков, мечтавших о морской романтике и впервые столкнувшихся с реальными трудностями: «На другой день шквал и косой дождь. Мы надели дождевые плащи, что дало право воображать себя уже “старыми морскими волками”». Первые серьезные испытания Мариенгоф и его новые друзья переносят мужественно. На третий день плавания в открытом море началась морская качка, которая не испугала молодёжь. В очерке достоверно передана атмосфера, которая царила на шхуне «Утро» во время плавания по Балтийскому морю. Мариенгоф с удовольствием рассказывает о том, как на смену томительной скуке приходит радостное настроение, когда шхуна оказывается в порту: «прибыли в Гольсинфорс, где и пробыли почти два дня, так что могли обстоятельно осмотреть этот нарядный и интересный город». Морская романтика плавания на парусной шхуне, мечты о приключениях, суровая красота морской стихии – всё это нашло отображение в очерке:

27-го над морем повис туман, всё скрылось в молочном сумраке, в пяти шагах ничего не различишь. На вахте весь командный состав. Стонут сирены и туманные горны. На корме засветили большой фонарь. Увеличили число «впередсмотрящих». Все в дождевиках, настроение приподнятое и напряжённое... Далее встречаем европейские и американские суда под всевозможными флагами.

Плавание по Балтийскому морю и посещение заграничных городов расширяло жизненный кругозор гимназиста Мариенгофа. В городе Мальме ему удалось даже увидеть настоящего короля, который, впрочем, не произвел на пензяка особого впечатления:

12 часам мы выстроились, – все чистенькие, в свежей форме, белых чехлах, подтянутые. Замерли. Входит король. Русский посол подводит его к нам и представляет. Замечаем, что король относится к представлению довольно безучастно... После переговоров посла с королем, последний едва слышно проговорил: «Bonjour!» Мы ответили своё «здравие желаем» на редкость стройно, громко, отчетливо. Король как-то съезжился и быстро вышел из комнаты. Мы остались разочарованные.

Юный гимназист Анатолий Мариенгоф с мальчишеской гордостью пишет о том, как он, никогда до этого не видевший моря, научился смело подниматься на мачту и обращаться с парусами: «Теперь мы уже приобрели в работах навык и справляемся с ними быстро. Когда нечего делать, забавляемся лазанием на салинги (верхняя часть мачты на 13-й сажени). Секундами захватывает дух, когда висишь так на вытянутых руках».

В очерке «Полтора месяца на шхуне “Утро”» можно найти и описание серьезных испытаний, которые выпали на долю пензенского гимназиста: «10 июля ветер чрезвычайно усилился. Появились подозрительные тучи. Убрали топселя и ждали шторма. Но к нашему неудовольствию он прошел мимо. Только сильная бортовая качка... Поэтому трудные места теперь отданы кадровым матросам, а мы у них лишь

помощниками. Но и наше дело не из легких: постоянно срываешься, скользишь и катишься...»

Завершая в последние годы своей жизни работу над книгой мемуаров «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги», Анатолий Борисович заново переживал это юношеское приключение. Интересно сравнить то, как одни и те же события нашли отражение в первом его прозаическом опыте и в последней книге писателя. Приведём из неё отрывок:

Лето 1914 года. В качестве юнги я хожу на трехмачтовой учебной шхуне по Балтийскому морю. Иностранные порты. Стокгольм, Мальме, Копенгаген... Вот она, Дания, – родина Гамлета. Я стою под кливерами на вздыбленном носу шхуны... Стихи подкармливают мальчишеское зазнайство... Под грохот разваливающихся волн я вглядываюсь в бескрайнюю мглу, как бы пытаюсь прочесть там будущее своей жизни: «Моряк, адвокат или поэт? Один из миллионов или один на миллионы?»

В то самое время, когда на паруснике «Утро» пензенский гимназист мечтал о славе, началась Первая мировая война. Мариенгоф достоверно воспроизвел атмосферу, которая царила на парусной шхуне «Утро»: «Мы подняли паруса и двинулись. Настроение повышенное... Вечером миноносец сообщил нам, что Франция и Англия объявили войну Германии. В ответ грянуло дружное и радостное “ура!”» В мемуарах, иронизируя над наивностью воинственно настроенной молодежи, с высоты прожитых лет Мариенгоф писал:

А через несколько дней в открытом море, неподалеку от Ганге, куда шли для участия в торжествах по случаю отдаленной Гангутской победы, мы узнали о начавшейся войне между Россией и Германией. Война! Какая мерзость! А мы, дурачье, с восторгом орём:

–Ура-а-а!..Ура-а-а!..Ура-а-а!..

Очерк заканчивался на грустной ноте:

22 утром нам сообщено приказание затопить шхуну и самим отправляться по железной дороге в Петроград... Голос старшего офицера дрогнул. Обнажились головы, у всех на глазах слёзы...Взяли на память со шхуны деревяшки, куски веревок и отправились со своего судна, с которым так сроднились. Долго и трогательно прощались с командиром. Ещё труднее было проститься с морем, которое мы все так полюбили...

Плавание по Балтийскому морю для Мариенгофа было во многом судьбоносным. Именно тогда, во время ночных бдений на вахте, он решил себя посвятить литературному творчеству. Зародившаяся тогда же любовь к морю впоследствии нашла отражения в его выразительных «имажах».

Символично то, что именно с морской метафоры начинается стихотворение «Памяти отца» (1919). Оно было написано ровно через год после трагической гибели Бориса Михайловича Мариенгофа, который поддерживал в сыне его увлечённость поэзией. (Отец «нижегородско-пензенского» имажиниста получил смертельное ранение от шальной пули 1 июня 1918 года, когда на улицах Пензы шли бои с чехословаками, поднявшими мятеж против советской власти.)

Острым холодным прорежу килем
Тяжёлую волну солёных дней, –
Всё равно друзья ли, враги ли,
Лягут вспухшими трупами на жёлтом дне.

Я не оплачу слезой полынной
Пулями зацелованного отца.
Пусть ржавая кровью волна хлынет,
И в ней годовалый брат захлебнётся.

К женитьбе отца на пензенской красавице Ольге Ионовне Липатовой, которая работала кассиром в магазине по продаже граммофонов и пластинок, Анатолий отнёсся «ревниво». Отчасти этим можно объяснить его жестокие строки о рожденном от этого брака побочном брате. Это стихотворение, написанное в духе имажинистского эпатажа с характерной разноударной рифмой, завершается образной самохарактеристикой автора, который бравирует своей бесчувственностью: «И даже стихов серебряную чешую / Я не окрашу в багряный цвет, – / А когда все зарыдают, спокойно на пробор расчешу / Холёные волосы на своей всезнающей голове». Здесь проявился показной аморализм и подчеркнутый дендизм поэта-имажиниста, доморощенного «Оскара Уайльда из Пензы», как его иронично окрестил финский учёный Т. Хуттунен.

В стихотворении «Утихни, друг. Прохладен чай в стакане...» (1920), посвященному собрату-имажинисту Сергею Есенину, Мариенгоф создал пронзительный образ, который был также явно навеян его морскими впечатлениями: «Я голову – крылом балтийской чайки / На острые колени / Положу тебе». Продолжая «морскую тему», Мариенгоф устами своего лирического героя вопрошает в поэме «Фонтаны седины» (1920):

Каким норд-остом унесло
Мой парусник на мёртвый остров!

Отметим, что здесь автор вступает в диалог с Есениным, переключаясь с ним в имажинистской образности. Сравним процитированные строки с концовкой есенинской поэмы «Исповедь хулигана»(1920):

Я хочу быть жёлтым парусом
В ту страну, куда мы плывём.

Своеобразный «морской» подтекст имело и название теоретического трактата Анатолия Мариенгофа «Буян-остров. Имажинизм»(1920), который упоминается в его поэме «Друзья» (1921): «Именно в этот час, / Я по всей вероятности, / Вспомню / Про утреннее путешествие / За коротким счастьем/ На Буян-Остров». Давая образные характеристики своим друзьям-имажинистам, автор поэмы так характеризует свой творческий путь: «Под мариенгофским чорным вымпелом / На северный безгласный полюс / Флот образов / Сурово держит курс. / И чопорен и строг словесный экипаж». Сравним характерную для имажинистской поэтики Мариенгофа развернутую метафору с отрывком из его первого прозаического опыта: «Утром, когда развеялся туман, оказалось, что мы окружены 35 парусными судами, идущими на Мальме».

Юношеские впечатления Мариенгофа от плавания по Балтийскому морю были настолько сильны, что он постоянно обращался к ним. Например, в «Поэме четырех глав», созданной в Берлине в 1925 году, изображая океанскую стихию, поэт упомянул камни на финском берегу Балтийского моря: «Пусть камня финского приподнятые плечи / Пусть ветер, / Соль / И синь». Стихотворение «Воспоминания» (1925), посвященное Сергею Есенину, Мариенгоф начал с характерной морской аналогии: «Немало чувств остыло и тревог, / Немало в море тонет кораблей. / В дни разбежавшихся дорог / Мы усомнились в верности друзей».

Морские образы в стихах, поэмах и мемуарной прозе Анатолия Мариенгофа доказывают то, насколько значимы были для него полтора месяца, проведенные на парусной шхуне «Утро». От дебютного очерка гимназиста об этом увлекательном плавании берёт начало долгая и непростая дорога к итоговой книге писателя «Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги», последняя авторская редакция которой датирована 1960 годом. Сюжет творческой биографии А. Б. Мариенгофа имел ярко выраженный кольцевой характер.